сканирование и верстка www.bolesmir.ru

Записки Императорской Академии Наук, I
1862 г.

РУССКІЕ КАЛИКИ ДРЕВНЯГО ВРЕМЕНИ.

АКАДЕМИКА И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Кому не извѣстно, что̀ такое нынѣшніе калѣки, калики, искалѣченные бѣдняки, которые, не будучи въ состояніи работать, должны поступать въ ряды нищей братьи? Ихъ иначе называютъ убогими, придавая и этому слову два смысла, нищаго и калѣки. Чтобы яснѣе представить себѣ, въ какой степени синонимически употребляются всѣ эти три слова — калѣка, нищій, убогій, вспомнимъ нѣсколько строкъ изъ стиха объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ:

Ой еси, князь благородный!
Призри мя, нищаго страннаго,
не ради моего упрошенья,
ради души своей на спасенье!
Сострой ты мнѣ убогому келью,
возлѣ своей каменной палаты,
не ради меня старца калѣки,
ради своего сына Алексѣя.
= Ой еси, Ефимьянъ князь!
Сошли ты мнѣ милостыню святую,
постави мнѣ келью темную.
не ради меня нищаго и страннаго,
но ради своего сына Алексія.

Есть свидѣтельства, что за долго до нашего времени такое же понятіе, понятіе о нищемъ, соединялось со словомъ калѣка. Такъ наприм. Бѣлорусскій переводчикъ твореній Іоанна Дамаскина, XVII вѣка, выражая сожалѣніе, что многіе богатые

люди, своевольно распоряжаясь своими богатствами, ничего не оставляютъ роднымъ, «и такъ земли христіанскіе уже знищими, иже воинскии чинъ каликъ хужши учинили» (рпсь Рум. Муз. № 193: стр. 244).

Тотъ ли же смыслъ придавался слову калѣка у насъ и въ древности? Это должны рѣшить свидѣтельства памятниковъ.

Одинъ изъ нашихъ древнихъ калѣкъ Юрій, начальникъ тальщиковъ, помянутъ въ договорной грамотѣ Михаила Тверскаго съ Новгородомъ 1316 года; о другомъ калѣкѣ, Карпѣ Даниловичѣ, говоритъ Псковскій лѣтописецъ подъ 6849 = 1341 годомъ: «Псковичи пѣшци, молодъи люди, поидоша воевать Занаровья, 50 мужь, о калѣкѣ о Карпѣ о Даниловичѣ (т.е. съ калѣкой Карпомъ Даниловичемъ). А въ то время Нѣмци переѣхавше Наровȣ, повоеваша села Псковская по берегу. И Карпъ съ дружиною срѣтошася съ Нѣмци съ Наровци на Кȣшели ȣ села на болотѣ, и ополчившеся Псковичи, сташа съ Нѣмци битися крѣпко... и ȣбиша Нѣмець на припорѣ 20 мȣжь. И побѣгоша Нѣмци прочь посрамлени, повергше полонъ и весь добытокъ. И прогнаша ихъ за Норовȣ. а сами Псковичи. поимавши весь добытокъ ихъ и самыхъ орȣжье и порты. воротишася въ Псковъ». Не могъ Карпъ Даниловичь калѣка быть дѣйствительно искалѣченнымъ бѣднякомъ, чтобы вести удалыхъ молодцевъ пѣшихъ куда бы ни было. За десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 6838 = 1330 году, въ Новгородѣ по случаю постриженія въ схиму архіепископа Моисея, желавшаго удалиться на покой, надобно было выбрать ему преемника, «и возлюбиша весь Новгородъ, — говоритъ лѣтописецъ — и игумени и попове, Богомъ назнаменана (т. е. жребіемъ избраннаго) Григорья калѣкȣ (= калѣйкȣ) мȣжа добра и смѣрена, попа бывша ȣ святаго Козмы и Демьяна, на Холопьи ȣлици, и пострижеся въ св. ангельскыи ѡбразъ. мѣсяца генваря. и нареченъ бысть Василій и посадиша и на владычни дворѣ, дондеже послютъ къ митрополитȣ». Не могъ быть отецъ Григорій ни священникомъ ни архіереемъ, если бы въ самомъ дѣлѣ былъ искалѣченнымъ, на столько же, какъ не могъ быть патріархомъ, если бы былъ искалѣченъ, и Ѳракіецъ Іоаннъ калѣка, занимавшій въ это же время патріаршій престолъ Цареградскій.

Что за калѣки были люди военнаго и духовнаго званія, объясняется другими памятниками, не менѣе важными по древности. Въ запискахъ Даніила игумена, писанныхъ около 1114 года, читается, въ одномъ спискѣ, «калики» вмѣсто «странници», «пришельци и странники» (Ц. С. Сл. А. Х. Востокова). Въ запискахъ Стефана Новгородца, писанныхъ послѣ 1341 г., разсказывается цѣлое чудо съ пахиремъ (сосудомъ) каликъ Русскихъ: — «Есть въ великомъ олтари (св. Софѣи) колодязь. отъ св. Іордана явися. Стража бо царскъія выняша изъ колодязя пахирь, и познаша (и) каликы Рѹсьскыя. Греци же не яша вѣры. Рѹсь же рѣша: нашь пахирь есть. мы купахомъ ся и изронихомъ на Іорданѣ. и въ днѣ есть злато запечатано. И разбиша ставець. и обрѣтоша злато. И много дивишася».

Этихъ указаній кажется довольно для показанія, что калѣками въ древности назывались у насъ странники въ св. земли, паломники, пилигримы.

Преимущественно такими людьми представляются калѣки и въ нашихъ былинахъ.

Изъ Волынца города, изъ Галича,
изъ той же Корѣлы изъ богатыя,
во ту ли пустыню во Данилову,
собиралося, собрунялося
сорокъ каликъ со каликою,
сорокъ дородныхъ добрыхъ молодцовъ.

(Безсонова Кал. пер. I. 21).

или же:

А изъ пустыни было Ефимьевы
изъ монастыря изъ Боголюбова,
начинали калики наряжатися
ко св. граду Іерусалиму.
сорокъ каликъ со каликою.

(Калайдовича Древ. Рус. Стих. 226).

или же:

Собиралося сорокъ каликъ со каликою
идти къ славну городу Іерусалиму
чуднымъ крестамъ поклонитися.

(Пѣсн. Рыбник. I. 237).

Могли, конечно, ходить въ Св. землю и калѣки въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова; но не такіе калѣки описываются въ

былинахъ: это всегда дородные добрые молодцы, силачи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть иногда, красавцы.

О цѣлой братчинѣ такихъ дородныхъ добрыхъ молодцовъ и объ ихъ молодомъ красавцѣ атаманѣ говоритъ былина о сорока каликахъ съ каликою. Разсказывая, какъ былъ обвиненъ, покаранъ, спасенъ и оправданъ ихъ атаманъ Касьянъ Михайловичъ, эта былина обрисовываетъ между прочимъ одну изъ важныхъ чертъ устройства братчины каликъ:

Становились они во единый кругъ,
они думали думушку крѣпкую,
выбирали большого атамана
молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
кладетъ онъ заповѣдь великую
на всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцевъ:
«А идтить намъ, братцы, дорога не ближняя,
идти будетъ къ городу Іерусалиму,
святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
во Іердань рѣкѣ искупатися,
нетлѣнной ризой утеретися,
идти селами и деревнями,
городами тѣми съ пригородками;
а въ томъ то вѣдь заповѣдь положена:
Кто украдетъ или кто солжетъ,
али кто пустится на женскій блудъ,
не скажетъ большому атаману,
атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,
едина оставить во чистомъ полѣ,
и окопать по плечи во сыру землю.
И въ томъ то вѣдь заповѣдь подписана,
бѣлыя рученьки исприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичь,
податаманье братъ его родной,
молодой Михайла Михайловичь.

Эта заповѣдь должна была, разумѣется, быть сильною для всѣхъ и каждаго изъ нихъ, не выключая и самаго атамана,—и это доказываетъ былина въ своемъ разсказѣ.

По совѣту князя Владимира, котораго калѣки встрѣтили на охотѣ, они зашли въ Кіевъ, къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ. Они приглашены были ею кушать, и, покушавши и напившись, уже собирались уходить, поджидали только, чтобы княгиня ихъ

надѣлила бы на дорогу златомъ-серебромъ
сходить бы во градъ Іерусалимъ.

Но княгинѣ понравился молодой атаманъ Касьянъ Михайловичь; захотѣлось ей съ нимъ еще побесѣдовать;—и послала она Алешу Поповича уговаривать каликъ перехожихъ, чтобы они не шли въ тотъ день, чтобъ молодъ Касьянъ Михайловичь пришелъ къ ней

на долгіе вечеры посидѣти
забавныя рѣчи побаити,
а сидѣть бы на единѣ во спальнѣ съ ней.

Замутилось сердце молодецкое Касьяна Михайловича:

отказалъ онъ Алешѣ Поповичу.

Княгиня осердчала за это на Касьяна Михайловича, и послала она Алешу Поповича «прорѣзать бы его суму» и въ нее

запихать бы чарочку серебряну,
которой чарочкой князь по пріѣздѣ пьетъ.

Алеша Поповичь исполнилъ приказъ; распоровши суму, запихалъ онъ въ нее чарочку и зашилъ гладехонько.

Съ тѣмъ калики и въ путь пошли.
И верстъ десятокъ отошли они,

какъ догоняетъ ихъ Алеша Поповичь, сталъ съ каликами вздорить, называть ворами разбойниками, обвинять, что унесли они чарочку княжескую. Калики не дали себя обыскивать, отпустили Алешу едва жива домой. А межь тѣмъ воротился князь Владимиръ съ охоты, съ нимъ и Добрыня Никитичь, — и княгиня послала Добрыню къ каликамъ опрашивать чарочку. Добрыня вѣжливо ласково упросилъ Касьяна Михайловича обыскать каликъ; тотъ согласился, поставилъ всѣхъ во единый кругъ — и чарочка нашлась, —

у молода Касьяна пригодилася.

Тогда братъ его молодой Михайло Михайловичь

принимался за заповѣдь великую:
закопали атамана по плечи въ сыру землю,
едина оставили во чистомъ полѣ.

Сами пошли въ Іерусалимъ, не вѣдая, не гадая, что княгиня

съ того часу захворала скорбью недоброю,
слегла княгиня въ великое во гноище.

Сходили калики во Іерусалимъ; черезъ шесть мѣсяцевъ воротились къ тому мѣсту, гдѣ зарытъ былъ Касьянъ.

На то мѣсто не угодили они,
обошли маленькой сторонкою;

но вотъ услышали голосъ, подались немного, увидали, подошли, поклонилися, стали здравствовать, приложились къ ручкѣ его правой, съ нимъ поцѣловались, — и

молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
выскакивалъ изъ сырой земли,
какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда.
А всѣ они молодцы дивуются,
на его лице молодецкое
не могутъ зрѣть добры молодцы,
а и кудри на немъ до самаго пояса.
А стоялъ Касьянъ не мало число,
стоялъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ,
а шесть мѣсяцевъ будетъ полгода.

Пошли калики къ Кіеву, къ князю Владимиру, доложились, и были приняты.

Молоду Касьяну Михайловичу
поздравствовалъ ему Владимиръ князь,
взялъ его за бѣлы руки,
повелъ во свѣтлу гридню.

Спросилъ Касьянъ князя Владимира про его княгиню, узналъ о ея болѣзни и, не брезгуя,

пошелъ со княземъ во спальну къ ней.
А и князь идетъ, свой носъ зажалъ,
молоду Касьяну то ничто ему,
никакому духу онъ не вѣруетъ.

Княгиня стала у него просить прощенія,

что нанесла рѣчь напрасную.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
а и дунулъ духомъ святымъ своимъ
на младу княгиню Апраксѣевну,—
не стало у ней того духу пропасти,
оградилъ ее святой рукой,
прощаетъ ей плоть женскую.

Потомъ

пошелъ ко князю ко Владимиру во свѣтлу гридню,
помолился Спасову образу,
со своими каликами перехожими.
И сажались за убраны столы,
стали пить, ѣсть, потѣшатися.
И молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
тою рученькой правою размахиваетъ
по тѣмъ ѣствамъ сахарныимъ,
крестомъ ограждаетъ и благословляетъ.

Вышла и княгиня къ нимъ здоровая, нарядная. Но калѣкамъ пора было ужъ домой спѣшить: по книжкѣ Касьяна оказалось, что

ужь третій день въ доходѣ идетъ.
И прощаются калики съ княземъ Владимиромъ
и съ молодою княгиней Апраксѣевной.
Собрались они и въ путь пошли.

(Калайдовича т. ж. стр. 226 и 7).

По другому изводу былины заповѣдь сорока каликъ съ каликою была такова:

Кто украдетъ, кто другой грѣхъ совершитъ,
ему темянемъ языкъ вынимать
ѐчушки ясныя выкалывать.

Обвиненъ былъ обыскомъ въ нарушеніи этой заповѣди Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь, и

взяли калики перехожіе,
у душечки Михайлы Потыка сына Ивановича
теменемъ языкъ повытянули,
ясны ѐчушки ему повыкопали,

бросили его въ раздольице чисто поле
Пошли калики, сами заплакали.

Но Михайло Потыкъ Ивановичь все таки спасся.

Онъ на четырехъ костяхъ
поплылъ во зеленый лугъ,

и тутъ ему у сырого дуба райская птичка напѣла пѣсню:

Кто въ эту пору времячко
помоется росою въ этой шолковой травѣ,
тотъ здравъ будетъ.

Михайло Потыкъ умылся росою, и

сталъ молодецъ здравъ по прежнему.

(Рыбникова Пѣсни. 239—240).

Въ другой былинѣ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь представляется не атаманомъ каликъ, а богатыремъ (Рыбникова Пѣсни. стр. 205—236); но богатырство не мѣшало быть каликою, крутиться въ каличье платье, ни Ильѣ Муромцу, ни Добрынѣ Никитичу, ни Алешѣ Поповичу. Илья Муромецъ пріѣхалъ къ князю Владимиру въ первый разъ каликою (Кирѣевскаго Р. пѣсни 1. XII), и каликою же пошелъ пытать силу свою противъ идолища поганаго (Рыбникова Пѣсни I. 86, 88; Кирѣевскаго Р. п. I. XV. XVI, XXI). Каликою накрутился и Алеша Поповичь, идя противъ Тугарина Змѣевича (Кирѣевскаго Р. п. II. 72—73). Каликою же накрутился и Добрыня Никитичь, идя на свадьбу жены своей Окулинушки (Рыбникова П. I. 12—13). Такъ каликою же отыскивалъ свою жену Марью Лебедь бѣлую и Михайла Потыкъ сынъ Ивановичь.

Илья Муромецъ, просидѣвъ сиднемъ тридцать лѣтъ, богатыремъ вышелъ въ свѣтъ, съ помощію каликъ. — Разъ, когда его отецъ и мать ушли на работу крестьянскую, пришли два калики перехожіе подъ касящетое окно ихъ дома и стали проситься во дворъ:

Выставай ка Илья на рѣзвы ноги,
отворяй ка вороты широкія,
пускай то каликъ къ себѣ въ домъ.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
Ай же вы ка! калики перехожія,

Не могу отворить воротъ широкіихъ:
сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
не владаю ни руками, ни ногами.
Опять говорятъ калики перехожія:
Выставай ка Илья на рѣзвы ноги,
отворяй ка ворота широкія.
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги
отворялъ ворота широкія.

И вотъ они вошли.

Они крестъ кладутъ по писаному,
поклонъ ведутъ по ученому,
наливаютъ чарочку питьеца медвяного,
подносятъ то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ ту чару питьеца медвяного,
богатырско его сердце разгорѣлося,
его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:
Что чувствуешь въ себѣ Илья?
Билъ челомъ Илья каликъ, поздраствовалъ:
Слышу въ себѣ силушку великую.
Говорятъ калики перехожіе:
Будешь ты, Илья, великій богатырь,
и смерть тебѣ на бою написана.
Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго.
Выходи въ раздольице чисто поле,
покупай перваго жеребчика,
станови его въ срубу на три мѣсяца,
корми его пшеномъ бѣлояровымъ.
А пройдетъ поры времени три мѣсяца,
ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
и въ три ночи жеребчика выкатывай,
подводи его къ тыну къ высокому;
какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
и въ ту сторону, и въ другую сторону,
поѣзжай на немъ куда хочешь,
будетъ носить тебя.
Тутъ калики потерялися.

(Рыбникова II. I. 34—35; ср. Кирѣевскаго P. n. 1. IV. V).

И изъ приведенныхъ уже мѣстъ видно, что калики назывались перехожими; но ни изъ какихъ мѣстъ не видно, что переходничество каликъ было просто нищенское. Это — переходничество тѣхъ странниковъ, пилигримовъ, которые принимали это имя въ слѣдствіе обѣта и его исполненія быть въ Святой Землѣ. Вотъ почему калики назывались иногда и въ былинахъ нашихъ пилигримами. Есть по крайней мѣрѣ упоминаніе о двухъ изъ нихъ, уже старцахъ, и потому названныхъ каличищами, пилигримищами. Обычай придавать *ище* къ имени и къ званію довольно древенъ: чтобы привести хоть какой-нибудь примѣръ, можно сослаться на посланіе знаменитаго Бѣлозерскаго игумена Кирилла къ в. к. Василію Дмитріевичу, писанное около 1400 года [Акт. Ист. 1. № 12], гдѣ самъ онъ себя называетъ: «Кирилла черничищо многогрѣшный».) Одинъ изъ каликъ, каличище Иванище, встрѣтился Ильѣ Муромцу, когда тотъ собирался на идолища поганаго.

Идетъ онъ,

несетъ въ рукахъ клюку девяносто пудъ.

Илья Муромецъ сталъ просить, потомъ насильно требовать, чтобы каличище уступилъ ему эту клюку.

Разсердился каличище Иванище,
здвигнулъ эту клюку выше головы,
спустилъ онъ клюку въ сыру землю,
пошелъ каличище, завòрыдалъ.

(Рыбникова П. I. 86—87. Кирѣевскаго Р. п. I. XV, XV, XX).

Такой же калика, только безъ имени, старчище пилигримище, встрѣтился Ильѣ Муромцу и Добрынѣ Никитичу, когда они пошли искать своего брата крестоваго Михаила Потыка сына Ивановича, не зная, что онъ отъ жены своей, чаровницы, Марьи Лебеди бѣлой, сталъ бѣлымъ горючимъ камнемъ. Накрутилися они въ каликъ перехожихъ.

Идучи до земли Политовскія,
сустигли старчища пилигримища,
клюка у него сорока пудовъ,
(пригласили его во компанію).

*

Когда пришли они въ землю Политовскую, Марья Лебедь бѣлая уговорила короля напоить каликъ до пьяна, подарить каликъ до люби, и король подарилъ имъ злата многое множество. Пошедши прочь, они пришли къ бѣлому камени и тутъ

говорилъ старчище пилигримище:
Станемте, братцы, животовъ дѣлить.

Предложилъ онъ дѣлить животы на четыре части:

тому изъ насъ, братцы, четверта часть,
кто броситъ этотъ камень черезъ плечо.

Не могъ этого сдѣлать Илья, не могъ и Добрыня; а пилигримище

хватилъ онъ камень конецъ кукины,
бросилъ камень черезъ плечо.
самъ къ каменю приговаривалъ.
Гдѣ былъ бѣленькій горючій камешокъ,
тутъ повыскочилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь.

(Рыбникова Пѣс. 1. 233).

Такой же калика, старецъ пилигримище, припомянутъ въ былинѣ о подвигахъ Василья Буслаевича:

Побѣжалъ Василій по Новугороду,
по тѣмъ по широкіимъ улицамъ.
Стоитъ тутъ старецъ пилигримище,
на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
а вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ.
Кричитъ тутъ старецъ пилигримище:
А стой ты, Васька, не попархивай!...
Изъ Волхова воды не выпити,
въ Новѣгородѣ людей не выбити;
есть молодцовъ сопротивъ тебя.
Стоимъ мы молодцы не хвастаемся.
Говорилъ Василій таково слово:
А и гой еси, старецъ пилигримище,
а и бился я о великъ закладъ
со мужики Новогородскими,
опричь почестнаго монастыря
опричь тебя старца пилигримища;
въ задоръ войду, (и) тебя убью.
Ударилъ онъ старца во колоколъ,

а и той то осью телѣжною;
качается старецъ, не шевельнется.
Заглянулъ онъ Василій старца подъ колоколъ,
а и во лбѣ глазъ уже вѣку нѣту.

(Калайдовича Древ. Рус. стих. 80—81).

По другому пересказу той же былины тоже нѣсколько иначе:

И пошелъ Василій съ мосту съ шалыгою,
и на встрѣчушку Васильюшку Буслаеву.
Идетъ крестовый батюшка старчище пилигримище,
на буйной головѣ колоколъ пудовъ съ тысячу,
во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ...
И здынулъ (Василій) шалыгу девяносто пудъ,
какъ хлеснулъ своего батюшка въ буйну голову,
такъ разсыпался колоколъ на ножевыя черенья.
Стоитъ крестный, не кренется,
желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его,
и хлеснулъ то крестнаго батюшку
въ буйну голову промежъ ясны очи,—
и выскочили ясны очи какъ пивны чаши.

(Рыбникова П. 1. 343—344).

По другимъ пересказамъ колоколъ былъ въ девяносто пудъ или даже только въ двѣнадцать, и Василій раскололъ колоколъ (т. ж. 1. 360), раскочилъ его на двѣ тороны (т. ж. 1. 356).

Не по всѣмъ пересказамъ былины пилигримище поплатился только ясными очами. По одному изъ пересказовъ,

одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ,
колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
клюку въ руки беретъ въ десять пудъ...

и Василій «щелкнулъ крестнаго батюшку желѣзною осью сорока пудовою,

отъ единого удара Васильева
крестному батюшкѣ славу поютъ.

(Рыбникова П. 1. 149—150).

Калики въ былинахъ представляются дородными молодцами, владѣютъ силою богатырскою. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по бы-

линамъ, какъ по лѣтописямъ и запискамъ путниковъ, эти калики не убогіе безсильные калѣки нашего времени: былины какъ будто нарочно обрисовываютъ пудами ихъ «круту», чтобы показать ихъ необычайную силу.

Кстати здѣсь внести нѣсколько строкъ о силѣ ихъ голоса. Придется ли имъ — говоритъ былина — гдѣ нибудь голосъ подать, —

скричатъ калики зычнымъ голосомъ,
дрогнетъ матушка сыра земля,
съ деревъ вершины попадаютъ.

Встрѣтились они съ княземъ Владимиромъ, молвили ему по своему слово, и

подъ княземъ конь окорачился,
а богатыри съ коней попадали.

Когда они вымолвили свое слово въ городѣ Кіевѣ среди двора княжескаго,

съ теремовъ верхи повалялися,
а съ горницъ охлопья попадали,
въ погребахъ питья всколебалися.

(Калайдовича Древ. Рус. стих. 228, 229, 230).

Это гиперболическое изображеніе силы голоса каликъ совершенно соотвѣтствуетъ изображенію тяжести убора каликъ.

И съ этой тѣлесной силой соединяется въ каликахъ, по былинамъ, почти постоянно духовная сила. Это какіе то чародѣи, у которыхъ сила мышцъ есть выраженіе силы духа. Чародѣйская сила залегла какъ будто въ самой «крутѣ» ихъ, во всемъ, что по внѣшнему виду ихъ дѣлаетъ каликами.

Эта крута каличья во всѣхъ былинахъ рисуется въ главныхъ чертахъ всегда одинаково:

Лапотики на ножинькахъ у нихъ были шелковыя,
подсумочки шиты черна бархата,
во рукахъ были клюки кости рыбьея;
на головушкахъ были шляпки земли Греческой.

(Рыбникова П. 1. 236).

Илья Муромецъ, собираясь на идолища поганого,

обулъ Илья лапотики шелковыя,
подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата,

на головушку надѣлъ шляпку земли Греческой.
Не взялъ съ собой палицы булатныя;

дорогой спохватился, и, встрѣтясь съ каличищемъ Иванищемъ, вытребовалъ у него клюку его въ девяносто пудъ.

(Рыбникова II. 86).

По одному изъ особенныхъ пересказовъ былины о подвигѣ Ильи Муромца противъ того же Идолища (Одолища),

оболкаетъ Илейка платье каликино,
обуваетъ лапотки обтопочки,
накладаетъ шляпу земле-Грецкую,
земле-Греческую шляпу сорокъ пять пудовъ.

(Кирѣевскаго Р. п. IV. 23).

По другому Илья Муромецъ говоритъ каликѣ:

Ты отдай мнѣ ка свое платье цвѣтное,
ты отдай свою шляпу земли Греческой,
ты отдай мнѣ ка свою клюку яра дерева,
самъ садись на моего коня добраго.

И переодѣвшись пошелъ онъ въ Кіевъ градъ (т. ж. IV. 19).

Михайло Потыкъ сынъ Ивановичь, одѣваясь въ каличье платье

обулъ себѣ лапотки шелковинькія,
клюку онъ бралъ кости рыбьея,
подсумокъ одѣлъ черна бархата,
на головку шляпку земли Греческой.

(Рыбникова II. I. 310).

Тотъ калика, у котораго выпросилъ себѣ платье Алеша Поповичь, былъ такъ одѣтъ:

Лапотки на немъ семи шелковъ,
подковырены чистымъ серебромъ,
личико унизано краснымъ золотомъ,
шуба соболиная долгополая,
шляпа Сорочинская земли Греческой,
въ тридцать пудъ шеленуга подорожная.

(Кирѣевскаго Р. п. II. 72).

Лапотики описаны еще такъ:

Шили лапотики изъ семи шелковъ,
у нихъ вплетено въ лапотикахъ въ пяткѣ, носкѣ
по ясному камешку самоцвѣтному.

(Рыбникова II. I. 237).

Сума, сумка, подсумокъ всегда изъ чернаго бархата, иногда изъ рытого бархата.

Клюка, костыль (въ косу сажень), посохъ, шелепуга, что нибудь изъ этого непремѣнно.

Думая о сумѣ и клюкѣ каликъ, нельзя забыть, какъ калики обращались съ этими главными своими орудіями:

Становилися во единый кругъ
клюки посохи въ землю потыкали,
а и сумочки исповѣсили.

Вмѣсто шляпки земли Греческой говорится и о шапкѣ, шапочкѣ.

Вмѣсто шубы соболиной долгополой говорится о гунѣ, или же о кафтанѣ: что это были за одежды, по однимъ названіямъ, такъ различнымъ, рѣшить невозможно.

Подъ шубой можно понимать и не то, что теперь называется этимъ именемъ: стар. Нѣм. Schaube, стар. Франц. chope, сред. Лат. chopa, Прованс. jupa и т. д. означаютъ верхнюю одежду въ родѣ плаща или и кафтана. Гуня, стар. Англ. gowne, стар. Франц. gonne, Келт. gwn, сред. Лат. gunna, gonna, сред. Греч. γουνα былъ такъ же плащь, преимущественно мѣховой. Въ Венгріи и доселѣ можно видѣть гуню въ самомъ первичномъ видѣ. Слово кафтанъ, не смотря на его употребленіе въ Тюркскихъ языкахъ, намекаетъ своими звуками производство отъ capra: ср. capata, καβαδὴς и т. п.

Главныя части убора пилигримовъ западныхъ опредѣлительно указаны въ «Чиновникѣ» Руанской церкви. (Парижск. Импер. публ. библ. № 1213), при описаніи обряда отпуска пилигримовъ, совершавшагося во вторникъ на святой недѣлѣ. Избранные къ участію въ обрядѣ по образу пилигримовъ (in similitudine peregrinorum), должны быть въ туникахъ (поддевкахъ) и въ капахъ (плащахъ), съ посохами и сумами, въ шляпахъ на головахъ (induti tunica et de super cappis, portantes baculos et peras, et habeant capellos super capita). Это общее обозначеніе объясняется множествомъ частныхъ свидѣтельствъ, находящихся въ разныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ и тщательно собранныхъ въ Глоссаріи средневѣковой латыни Дю-

канжа, въ его Диссертаціяхъ къ исторіи Людовика святаго сира Жуанвиля, въ Латино-Германскомъ Глоссаріи Диффенбаха и пр. Изъ нихъ видно, что главною принадлежностью пилигримовъ были посохъ и сума (baculus et pera = scarcella). Иногда означенъ только посохъ: такъ напр. въ Житіи Людовика юнаго, при описанія его отхода въ Іерусалимъ, сказано, что онъ передъ отправленіемъ, отслушавъ обѣдню въ обители св. Діонисія, съ благоговѣніемъ принялъ посохъ странствія (baculum peregrinationis) и знамя св. Діонисія. Иногда означена только сума: такъ въ сказаніи Ангулемскаго монаха замѣчено, что при погребеніи Карла Великаго на него, сверхъ императорской одежды, возложена и странническая сума золотая (pera peregrinalis aurea), съ которою онъ всегда ходилъ въ Римъ. Обычно же упоминаются сума и посохъ вмѣстѣ. То и другое давалось въ церкви духовнымъ лицемъ, благословлявшимъ въ путь. Короли Французскіе получали посохъ и суму обыкновенно въ аббатствѣ св. Діонисія, покровителя Франціи. Посохи дѣлались въ формѣ клюки т. е. съ закрючиною съ верхняго конца и съ желѣзнымъ наконечникомъ, иногда и совершенно изъ желѣза; сумы придѣлывались къ поясу, перевязи — escharpe, escharpa, escharpia, а потому и сами называемы были этимъ словомъ. Довольно рано вошло въ обычай странниковъ, кто бы они ни были, короли, вельможи или же простые люди выступать въ путь босыми (discalciati), но въ такихъ случаяхъ обувь была при странникѣ. Странники Нѣмецкіе одѣвали обыкновенно окреи, какъ удостовѣряютъ слова св. Франциска (Est quaedam regio Teutonia, in qua sunt homines christiani et devoti, qui saepe terram nostram cum longis baculis et largis ocreis pertransiunt: Wadding, Annales minorum подъ 1221 г. Hoffmann S. Gesch. d. d. k. liedes. 68). Странники другихъ странъ употребляли сандаліи, калиги = калики (caligae = calicae) и т. п. На головѣ носили обыкновеннно шапку или шляпу (capellus) отъ солнца, съ широкими полями (capellus solis). На тунику сверху надѣвалась капа (capa, cappa), шившаяся и съ рукавами (manicata), и безъ нихъ, такъ даже, что ее надѣвать можно было черезъ голову (clausa, rotunda). На случай непогоды къ ней сзади пришивался баш-

лыкъ, отлога (capitium). Капы были очень различны по лицамъ и по случаямъ употребленія; но во всякомъ случаѣ были принадлежностью дорожной одежды, и потому являться въ капѣ съ поклономъ считалось невѣжливымъ, если на это не было особаго соизволенія, въ родѣ того, какое дано было по уговору епископомъ Норвикскимъ (Venient [priores] habitu itineris, nisi velint, non mutato, videlicet in cappis et calcearibus: Vitae Offarum etc. при Historia major Матвѣя Парижскаго. 1664. II. 84). Страннические капы были обыкновенно волосянныя.

Трудно сказать съ достовѣрностью, чѣмъ именно отличались части убора нашихъ каликъ отъ соотвѣтственныхъ имъ частей убора западныхъ пилигримовъ; но и у нашихъ каликъ было, какъ мы видѣли, все то же, что у западныхъ пилигримовъ. Были perae perulae—сумы, сумочки, подсумки—тѣ же сумы, если только не поясá съ сумками (éscharpes). Были клюки, посохи—baculi, называвшіеся и шелепугами—burdones, virgae. Были лапотки, такого ли же рода,какъ нынѣшніе лапти, сказать трудно (слово лапоть, отъ лапа, указываетъ вообще на верхнюю обувь), во всякомъ случаѣ calcei. Были шляпы, можетъ быть островерхія съ широкими полями — capelli. Были наконецъ, какъ верхняя одежда, своего рода капы, сарае, названные въ пересказахъ былинъ шубами, гунями, можетъ быть въ слѣдствіе потери настоящаго названія.

Какъ особенность поражаетъ только колоколъ того пилигримища, которому на долю досталось утихомиривать Василья Буслаевича, поминаемый во многихъ пересказахъ былины объ этомъ удальцѣ Новгородскомъ. Василій раскололъ ли его на двѣ полы, или разсыпалъ его въ черенья ножевыя, но все таки, такъ или иначе разбилъ, какъ настоящій колоколъ. Поминается при колоколѣ и языкъ. Словомъ, въ пересказахъ былины, гдѣ только сказано о колоколѣ, ничто не подаетъ никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ объ одномъ изъ такихъ колоколовъ, какіе были напр. захвачены Всеславомъ въ Новгородѣ еще въ 1066 г. Въ воспоминаніяхъ о пилигримахъ западной Европы напрасно будемъ искать слова о такихъ колоколахъ. Напрасно разрѣшать эту загадку и при посредствѣ Византійскихъ показаній или обычаевъ Татарскихъ. Но считать это и выдумкою составителя былины нѣтъ никакого повода: Русскіе былинари

перепутывали лица, времена и мѣстности событій, придавали времени древнему черты времени болѣе поздняго, толковали ихъ по своему, увлекались иперболической обрисовкой образовъ; но положительныхъ выдумокъ, ни изъ того, ни изъ сего, такихъ рѣзкихъ какъ колоколъ пилигрима, онѝ не допускали. Что это однако, если не выдумка?

Выше приведены были строки былины, гдѣ вспомянутъ или могъ быть вспомянутъ колоколъ, по всѣмъ пересказамъ, до сихъ поръ записаннымъ. Въ однихъ пересказахъ колоколъ рисуется очень рѣзко, въ другихъ его вовсе нѣтъ. Отъ чего произошло такое различіе? Нельзя ли думать, что если бы колоколъ и въ первоначальномъ изводѣ былины представленъ былъ также важною принадлежностью пилигримища, то онъ бы уцѣлѣлъ во всѣхъ пересказахъ? Нельзя ли догадываться, что такъ какъ колоколъ могъ вовсе исчезнуть изъ нѣкоторыхъ пересказовъ былины, и пилигримище въ слѣдствіе этого остался при обыкновенныхъ принадлежностяхъ своего убора, то сказанное о колоколѣ, какъ о колоколѣ, зашло въ пересказы былины уже послѣ, такъ что подъ колоколомъ слѣдуетъ понимать что нибудь другое, напр. хоть «колпакъ — въ сорокъ пудъ»? Въ самомъ дѣлѣ, почему нѣтъ? Отъ пересказчиковъ былины очень возможно ожидать прибавокъ и о разбитіи колокола, и о языкѣ, если только разъ имъ данъ поводъ счесть за колоколъ то, что прежде было только названо колоколомъ. Такою свободою они нерѣдко пользовались и пользуются, какъ видно по разнообразнымъ пересказамъ другихъ былинъ.

Что они воспользовались такой свободой и въ расказѣ о пилигримищѣ, на это есть положительныя доказательства. Колоколомъ, klakol, и колокольцей, klakolca, въ древности назывался плащь въ родѣ капы, носимой пилигримами. Klakol есть въ словаряхъ Роскоханаго и Велешина XIV вѣка (Hanka Sbírka lowníkůw. 93, 110) для перевода слова aluvia, въ смыслѣ плаща отъ дождя. Слово klakolca употреблено въ стихѣ объ Алексѣѣ (Čas Čes mus. 1851. I. 145):

Nevěsta tam kažíc stolec,
oblekši sie v zlé klakolcé.

И не у однихъ Чеховъ въ средніе вѣка плащь назывался колоколомъ. Англичане и Французы также употребляли это слово, разумѣется, выговаривая по своему, Англичане cloak, Французы cloche, clocette, въ Латинскомъ выговорѣ у тѣхъ и у другихъ одинаково cloca, и такъ же со смысломъ и колокола и плаща (ср. Нѣм. clocca, Glocke), плаща дорожнаго безъ разрѣза на переди. По уставу Юліанской обители Аббата Михаила братья священники въ поѣздкѣ должны были употреблять именно колоколъ, clocam, приличной длины (fratres sacerdotes... in equitando, cloca rotunda competentis longitudinis utantur, См. при Historia major. Англійскаго лѣтописца Матвѣя Парижскаго 1644. Additamenta: 164). Чехи и въ Германо-Латинской формѣ употребляли это слово: въ Словарѣ Велишина занесено оно, klok, въ значеніи хламиды, clamis (Hanka Sbírka 120). П. Аквилиномъ замѣчено оно, въ значеніи женскаго плаща (Jungman Slow. II. 28), а писателями болѣе позднѣйшими, напр. Радлемъ, въ значеніи плаща пастушьяго. Это то слово cloca, въ передѣлкѣ па Русскій ладъ, колоколъ, соотвѣтствующей Чешской передѣлкѣ, klakol, въ значеніи верхней неразрѣзной одежды, есть тотъ колоколъ, о которомъ говорятъ перескащики былины о Васильѣ Буслаевичѣ, какъ о колоколѣ звенящемъ. Употребленіе этого слова въ былинѣ, хотя и неправильное, доказываетъ, что когда то оно было у насъ употребляемо и въ значеніи одежды. Вѣроятно, оно зашло и къ намъ, такъ же какъ къ Чехамъ, съ сѣвера, и, судя потому, что въ пересказахъ былины оторвано отъ своего настоящаго смысла, употребляемо было только въ древности и, можетъ быть, не долго. Не очень важно оно, конечно, какъ названіе особеннаго рода одежды; но важно по искаженному употребленію въ пересказахъ былинъ, какъ свидѣтельство о древности первообраза былины. На западѣ оно, какъ названіе одежды, было употребляемо только въ средніе вѣка: тогда же только могло зайти и къ намъ, тогда же только попасть и въ былину. Въ одномъ изъ пересказовъ былины колоколъ замѣненъ кафтаномъ, словомъ напоманающимъ капу (срав. capota, καβαδης и пр.) — безъ сомнѣнія въ то время, когда еще понималось, хотя уже и не было употребляемо слово колоколъ въ значеніи плаща; въ дру-

гихъ пересказахъ остался колоколъ, испыталъ горькую судьбу власти комментаторовъ поэтовъ, превратясь въ мѣдь звенящую. Въ былинахъ о каликахъ стоитъ вмѣсто колокола шуба, безъ сомнѣнія, потому, что въ языкѣ народномъ не нашлось слова по значенію болѣе близкаго къ капѣ или къ колоколу.

Этотъ колоколъ, не менѣе другихъ принадлежностей круты нашихъ древнихъ каликъ, пилигримовъ, доказываетъ, что крута ихъ была не чисто Русская, а общая западно-Европейская — по крайней мѣрѣ въ главныхъ частяхъ своихъ, если не въ подробностяхъ. Нельзя, безъ сомнѣнія, отвергать, что могли наши калики, пилигримы, ходить въ Св. Землю и въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, развѣ только съ сумой да съ посохомъ; но если было и такъ, то все таки было и употребленіе особенной страннической одежды, одежды не Русской, а западно-Европейской.

Во всякомъ случаѣ наши древніе калики и потому, что о нихъ говорится въ памятникахъ, и по убору, на сколько можно ихъ понять изъ пересказовъ былинъ, похожи на пилигримовъ западной Европы.

На столько же они напоминаютъ собою поклонниковъ Христіанской святыни и нѣкоторыми изъ названій, которыми они обозначались на западѣ. На западѣ ихъ называли пальмаріями, пальматами, пальмоносцами (palmarii, palmati, palmigeri), потому что они возвращались изъ странствія съ пальмовою вѣткой, какъ со знакомъ совершоннаго странствованія (consummatae peregrinationis signum: Вильгельмъ Тирскій, XXI, 17): у насъ они, конечно, по тому же назывались паломниками. И, судя по употребленію этого слова въ лѣтописи, оно было очень употребительно: подъ 6791 — 1283 г. Лаврентьевская лѣтопись (въ спискѣ 1377 г.) говоритъ, что Татары забрали въ свои руки много людей, между прочимъ бояръ, гостей и паломниковъ, и что Ахматъ бояръ избилъ, а паломниковъ отпустилъ и велѣлъ отдать имъ порты избіенныхъ бояръ, сказавъ имъ — «вы есте гости и паломници, ходите по землямъ, тако молвите — кто иметъ споръ держати съ своимъ баскакомъ тако будетъ» (Пол. собр. лѣт. I. 206. ср. VII. 177). Странникъ игуменъ Даніилъ

такъ же назывался паломникомъ. Въ уставѣ в. к. Владиміра (между прочимъ и по списку XIII вѣка) между людьми, которые подчинены вѣдѣнію церкви, упомянуты и паломники: «а се церковныѣ, люди... паломникъ, лѣчець, прощеникъ, задоушвный человѣкъ, стороникъ (странникъ), слѣпець, хромець, манастыреве, больницѣ, гостинници и страннопринимницѣ, то люди церковныя богадѣльныѣ (Доп. Ак. Ист. 1. 2. Зап. 2 Отд. Ак. V. III. 54.). Былины удостовѣряютъ, что странники назывались у насъ и пилигримами такъ же какъ и въ Италіи (pelegrino) и въ Германіи (piligrim, pilgrim, позже pilger), отъ того что переходили изъ земли въ землю (peregrinabant, peregrini). Слово это, хотя уже отчасти и безсмысленно, слышится и въ сказкахъ нашихъ: Полугрюмъ и даже проще, болѣе по Русски, Угрюмъ.

Названіе каликъ=калѣкъ (ѣ=и) представляетъ этимологическія трудности, не позволяющія пока окончательно рѣшить, родное ли это наше слово, или занятое. Вѣрно пока только то, что оно теперь, всюду на Руси, обозначая человѣка искалѣченнаго, увѣчнаго, всюду выговаривается съ *а* въ первомъ слогѣ (*ка* а не *ко*) и съ *ѣ* во второмъ (т. е. всюду, гдѣ *ѣ* произносятъ какъ *и*, произносится калика, а не калѣка); вѣрно такъ же, что въ томъ же значеніи съ такимъ же выговоромъ оно употребляется въ говорахъ Польскихъ и кое гдѣ въ Моравіи по сосѣдству съ Польскимъ населеніемъ, а за тѣмъ нигдѣ болѣе у Славянъ; вѣрно кромѣ того, что словъ сродныхъ со словомъ калѣка, не произшедшихъ отъ него (каковы: калѣчить, искалѣчить, окалѣчить) и близкихъ къ нему по смыслу, въ Славянскихъ нарѣчіяхъ пока не нашлось. Не нашлось и въ языкахъ сосѣдей Славянъ слова, которое бы наводило на мысль о томъ, откуда бы могло перейдти къ намъ слово калѣка, какъ занятое. Только Румуны употребляютъ это слово (калик) и именно въ томъ самомъ смыслѣ, какъ и Русскіе; но и у нихъ остается оно само по себѣ, безъ связи съ другими. На вопросъ, произошло ли оно отъ caluco, что въ Итальянскомъ употребляется вмѣсто caduco (Diez, Etymol. Wörterbuch d. Rom. spr. 392), отвѣчать можно скорѣе отрицательно; а рѣшая отрицательно этотъ вопросъ, можно позволить себѣ думать, что слово калик перешло къ Румунамъ отъ Русскихъ или отъ Поляковъ. И все

таки нѣтъ положительныхъ доказательствъ, что оно Славянское. Во всякомъ случаѣ, если бы даже слово калѣка было и Славянское, въ бытѣ каликъ нашей древности не выразилось ничего исконно Славянскаго, а повторилось тоже стремленіе, которое на западѣ Европы было несравненно сильнѣе и привело къ несравненно болѣе важнымъ жизненнымъ послѣдствіямъ.

Нельзя, конечно, положительно сказать, что калѣки нашего времени, суть переродившіеся калѣки времени древняго, времени странствій въ Св. Землю, что изъ странниковъ въ Св. Землю, они сдѣлались просто странниками, потомъ и нищими; тѣмъ не менѣе древнѣйшія изъ извѣстій о калѣкахъ, считая въ числѣ ихъ и сказанія былинъ, намекаютъ на это. Нельзя при этомъ отвергнуть, что и въ древности странники въ Св. Землю или вообще къ святынѣ, какъ бы они ни назывались, каликами, пилигримами, паломниками, странниками, были двухъ родовъ, смотря по состоянію: одни, зажиточные, оставались и по окончаніи странствія, чѣмъ были прежде; другіе, бѣдные, поступали подъ призрѣніе церкви: на это намекаетъ вышеприведенное мѣсто изъ устава Владиміра по спискамъ XIII вѣка и болѣе позднимъ, гдѣ и паломникъ и странникъ одинаково зачтены въ число людей церковныхъ. Пилигримища въ былинахъ также описываются принадлежащими и церкви и монастырю. Всѣ ли бѣдные, безпомощные странники находили себѣ призрѣніе у церкви или въ монастырѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ данныхъ, сколько извѣстно, мало. Одно изъ самыхъ важныхъ по древности вышеприведенное мѣсто изъ Лаврентьевской лѣтописи, гдѣ о паломникахъ сказано, что они ходятъ по землямъ съ мѣста на мѣсто. Не менѣе важно, что и въ былинахъ калики обыкновенно называются перехожими. Такія данныя показываютъ, что если эти странники и были подъ вѣдѣніемъ церкви, то все-таки какъ странники, временно, сохраняя свободу вмѣстѣ съ сумой и бѣдностью. На западѣ перехожіе пилигримы, жившіе подаяніемъ, были преслѣдуемы закономъ. У насъ было тоже, какъ видно изъ вопрошанія Кирика: Нифонтъ замѣтилъ Кирику: если кто ради того идетъ, чтобы «пороздну (въ праздности) ходяче ясти и пити, то воспрещай ему». Естественно, что и у насъ, какъ на западѣ, ни запрещенія,

ни епитиміи не уничтожали охоты къ странствованіямъ въ Св. Землю, что возвращавшіеся изъ странствія пользовались особеннымъ уваженіемъ, гостепріимствомъ, вспоможеніемъ, и что бѣдняки изъ нихъ оставались на всю жизнь перехожими просителями милостыни. Такъ могли образоваться калики нищіе, жившіе всю жизнь милостынею. Все это впрочемъ не доказываетъ еще, что, кромѣ каликъ пилигримовъ, не было тогда же и другихъ каликъ, которые такъ же, возбуждая къ себѣ состраданіе, жили милостынею. Надобно доискаться кореннаго значенія слова калѣка, калика.

Пока же оно будетъ отыскано, по неволѣ надобно ограничиваться припоминаніемъ и соображеніемъ данныхъ, объясняющихъ положеніе каликъ-пилигримовъ въ древней Руси. Количество данныхъ, доказывающихъ близкое отношеніе между нашими странниками этого рода, и пилигримами западной Европы, кажется, должно все увеличиваться.

Къ числу такихъ данныхъ слѣдуетъ отнести, что и у насъ, какъ на западѣ Европы, ходили въ Св. Землю не только просто для поклоненія святынѣ, но и для покаянія въ грѣхахъ и преступленіяхъ. Къ числу такихъ странствій въ Іерусалимъ принадлежитъ и странствіе Василія Буслаевича, описанное въ былинѣ (Калайдовича Др. Р. Ст. 166 и пр. ср. Рыбникова Пѣсни 1. 360—362.)

Приходитъ Василій Буслаевичь
къ своей сударынѣ матушкѣ,
проситъ благословеніе великое:
Идти мнѣ Василью въ Іерусалимъ градъ,
со всею дружиною хороброю,
мнѣ ко Господу помолитися,
святой святынѣ приложитися,
въ Ерданѣ рѣкѣ искупатися.

Встрѣтивъ корабельщиковъ Василій яснѣе сказалъ, для чего онъ положилъ отправиться въ Св. Землю:

А мое то вѣдь гулянье неохотное:
съ молоду бито много, граблено,
подъ старость надо душа спасти.

Это странствіе Василья Буслаевича было какъ будто исполненіемъ того постановленія, долго остававшагося въ полной силѣ въ южной Франціи, по которому всякій убійца, покаявшись (poenitentia ductus) исповѣдывался въ преступленіи, перековывалъ свой мечь въ цѣпи (ex ipso gladio ferrei nexus componantur), заковывалъ себя въ нихъ, и отправлялся на поклоненіе святыни. (Mabillon, Hist Benedit. II. 4. 41. ср. еще у Дюканжа выписку изъ постановленія королей Французскихъ 1371 г. подъ словомъ peregrinatio.)

И у насъ какъ въ западной Европѣ позволеніе на странствіе въ Св. землю давалось духовенствомъ. Вотъ почему Кирикъ (смотри его Вопрошаніе въ Памят. XII в. стр. 176) и самъ «боронилъ другимъ идти въ сторону въ Іерусалимъ къ святынѣ», и отъ епископа Нифонта получилъ одобреніе за это. Потому же, на свой вопросъ епископу Иліи о тѣхъ, которые давали обѣтъ (ходили бяхꙋ ротѣ) идти въ Іерусалимъ, онъ получилъ приказаніе наказывать ихъ епитиміею (т. ж. стр 203). Если вѣрить былинѣ, то наши странники должны были возвращаться домой къ извѣстному сроку: у атамана сорока каликъ была книжка, по которой оказалось, что уже шелъ «третій день въ доходѣ», когда они были въ Кіевѣ, и по этому они поспѣшили разстаться съ Владиміромъ.

Втапоры молодой Касьянъ сынъ Михаиловичь
вынималъ изъ сумы книжку свою,
посмотрѣлъ и число показалъ:
Что много мы, братцы, пьемъ, ѣдимъ, прохлажаемся,
ужь третій день въ доходѣ идетъ,
и пора намъ, молодцы, въ путь идти.

Можетъ быть, въ этомъ упоминаніи былины о книжкѣ скрывается давній обычай давать странникамъ письменное позволеніе на странствіе съ обозначеніемъ срока, когда странники должны были возвратиться, съ тѣмъ чтобы они не ходили «пороздни», какъ замѣтилъ епископъ Нифонтъ (Пам. XII в. 176).

И у насъ, какъ на западѣ, ходили въ святыню не въ одиночку, а дружинами, братчинами, похожими на фратріи западной Европы: выше указана былина о сорока каликахъ съ каликою; въ другой упоминается дружина каликъ въ двѣнадцать

человѣкъ (Памят. стар. Рус. лит. 312). И у этой дружины, какъ у той, былъ свой атаманъ. Говоря о первой дружинѣ, былина высказываетъ условіе ихъ братства и наказаніе ожидавшее преступника: западныя фратріи точно такъ же основывались на условіяхъ сохранять уставъ и подвергаться наказанію: такъ въ статьяхъ одного изъ соборовъ Руанскихъ сказано о нихъ: Sunt quidam tam clerici quam laici hujusmodi societatem ineuntes, certam in eos pœnam statuentes, qui contra hujusmodi veniunt constitutionem (Synod. Rotom. 1189. Стат. 25: выписка у Дюканжа подъ словомъ fratria).

Всѣ подобныя сравненія еще не отстраняютъ, конечно, Византійскаго вліянія на наши странствія, тѣмъ не менѣе помогутъ объяснить положеніе странниковъ въ древнемъ Русскомъ обществѣ. Они важны между прочимъ и въ отношеніи къ тому роду словесности, который на западѣ развился широко, какъ особенная отрасль литературы в общей Латинской, и частной у каждаго народа, а у насъ на Руси остался собственностью памяти наслѣдниковъ древнихъ каликъ, слѣпцовъ и калѣкъ, до сихъ поръ выпрашивающихъ милостыню своими псалмами, виршами, стихами.